

О «будущей России» (К вопросу о «самоопределении» сменовеховцев)

На днях довелось мне познакомиться с отзывом С. С. Лукьянова на мою статью «Логика революции» (см. «Накануне», 16 августа сего года, статья «Равнодействующая»¹). Считаю необходимым устранить одно недоразумение, вкравшееся в этот отзыв.

Лукьянов мною недоволен за то, что я будто бы питаю уверенность в неизбежности для России установления демократических форм. Но на самом деле это далеко не так, и еще в недавней реплике по адресу «Последних Новостей» мне пришлось довольно определенно высказаться на этот счет*. Я не только не считаю неминуемой рецепцию Россией западных конституционных канонов, но верю, что в результате текущих событий России самой удастся создать культурно-государственный тип, авторитетный для Запада. Вообще говоря, моя «психофизическая конструкция» не более приспособлена к «приятию демократии», нежели таковая же моего уважаемого коллеги по «Смене Вех».

В своей «Логике революции» я ни единым словом не обмолвился о демократии. И, конечно, не случайно. Ошибка Лукьянова состоит в том, что он отождествляет мое утверждение о «России буржуазной, собственнической» с утверждением (мне не принадлежащим) о «России демократической». А между тем, это ведь отнюдь еще не одно и то же.

Понятие «демократия» весьма растяжимо. Когда его употребляют (неправильно) для обозначения строя, соответствующего «духу народа» или благу народа, то, конечно, все мы демократы. Больше того, я охотно называю себя «национальным демократом» в том смысле, что, констатируя смерть исторических форм абсолютизма, признаю необходимость национального политического самоопределения через специальные государственные органы представительного характера. Но отсюда до формальной, парламентарной, «арифметической» (как говорили славянофилы) демократии западных образцов — еще дистанция огромного размера. Советская система, как принцип, с такой точки зрения может в значительной мере удовлетворять притязаниям

* См. статью «Старорежимным радикалам», перепечатанную в настоящем сборнике.

национального демократизма*. Этого мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере...

Но суть дела для меня все-таки не в форме государственного строя (при всем ее значении, которое, разумеется, было бы ошибочно отрицать), а в содержании народной жизни, характере народных переживаний, стиле и устремлениях национальной культуры. Необходима органичность государства, утрачиваемая Западом. Она не обретается формальной демократией, но не достигается и канонизированными коммунистическими схемами. Оба эти явления — симптомы «цивилизации», а не культуры (если пользоваться модными терминами Шпенглера), и кризис, в который загнала человечество демократия, уже во всяком случае не может быть разрешен одним только социализмом, ее прямым наследником. И Лукьянов никогда никого не убедит (и меньше всего, конечно, большевиков), что «психофизическая конструкция», стихийно отталкивающаяся от демократии, способна в то же время питать искреннее влечение, род недуга, к пролетариату, социализму, классовой борьбе, догмату равенства и прочим категориям механического миропонимания и мироощущения. Для такой «конструкции» нужен прорыв в «иной план» исторического бытия и культурно-национального самосознания.

Что касается злободневной проблемы «нэпа», то я совсем не говорил и не говорю, что Россия «крепкого мужичка» перестанет быть Советской Россией. Она может оставаться и Советской, но жизненную форму советской государственности должна наполнить целесообразным и плодотворным экономическим содержанием. Я не разделяю оптимизма Лукьянова, полагающего, что «надежный тыл» уже достигнут произведенным московской властью «отступлением» на экономическом фронте. И факты вряд ли не оправдывают известной осторожности в соответствующих прогнозах: экономическое отступление явно продолжается и доселе, и на почве «нэпа» начинают завязываться новые социальные связи. Не будучи коммунистами, какие основания имеем мы ополчаться против этих связей?

Но центр тяжести проблемы воссоздания России, на мой взгляд, лежит еще глубже. Он — в сфере духовной жизни народа, в психиче-

* Цитируя эту фразу, г. Зиновьев («Философия эпохи», изд. «Московский рабочий», 1925, с. 11) уличает меня в «простом национал-демократизме»: «Перед нами, пишет он, — обычный национал-демократ, политический тип, достаточно известный в передовых капиталистических странах».

Я думаю, что достаточно прочитать статью «Кризис демократии» в настоящем сборнике, чтобы окончательно убедиться в ошибочности приведенного утверждения г. Зиновьева, явствующей, в сущности, и из настоящей статьи.

ском и идейном облике русской деревни и нового города. Политическая форма и ее экономическое содержание только тогда осуществляют свою основную задачу — действительное здоровье русской нации, — когда внутренне проникнутся культурно-национальными, органическими началами, соответствующими «русской идее» в ее глубочайших определениях. Это может произойти лишь путем органической эволюции разбуженной и взволнованной народной души в сторону подлинно духовного самосознания. Революция выводит Россию на мировую авансцену. На вечеряющем фоне западной культуры «русский сфинкс» выделяется теперь едва ли не лучом всемирной надежды. Так неужели же он проявит себя лишь символическими памятниками Маркса с их сакраментальной бородой? Неужели же он окажется не более, чем эпигоном западных эпигонов?.. Или у России нет своего лица, в которое ныне напряженно всматриваются лучшие люди Европы?..

На первый раз я ограничиваюсь пока лишь этими беглыми и общими намеками, вполне сознавая при этом всю грандиозность и неисчерпаемость темы, к которой мы, сменовеховцы, тут вплотную подходим в наших исканиях. Конечно, в нашей среде здесь возможны разномыслия, допустимы даже существенно различные мирозерцательные подходы к общему для нас всех политическому выводу: «приятию» Советской России. Но, кажется мне, что всем нам одинаково необходимо провести ограничительную черту не только направо, но и налево. Нужно, чтобы у нас был собственный облик. Нужно, чтобы мы не оторвались от собственной почвы, не перестали быть самими собой, — иначе мы окажемся плохими, неудачливыми идеологами бесспорно жизненного, нарастающего движения, проглядим его историческую «энтелехию», утратим контакт с ним, и оно пойдет мимо нас. И я позволю себе закончить в тон патетическому заключению цитированной статьи С. С. Лукьянова:

— Не обольщайтесь! В механической и материалистической интернационально-классовой идеологии вам не найти «последнего слова мудрости», вмещающего в себя и реальную свободу, и подлинно живую культуру. Не преувеличивайте вместе с тем и своего тяготения к «немедленному коммунизму» в России. Это нам не подходит идеологически, этого от нас не требуется и тактически (знаменитое «прикидываются коммунистами» Ленина). В области конкретно-политической с нас достаточно лояльного признания наличной русской власти и готовности к честному деловому сотрудничеству с ней в деле восстановления страны. И это признание, как и эту готовность, мы можем вполне искренно провозгласить, исходя из наших, а не большевистских идей. Не отдавайте же за чечевичную похлебку подогретого революционного романтизма,

или мимолетных (и при том еще сомнительных) тактико-политических «kozyрей», душу нашего молодого движения: — его нравственный идеализм, его трезвую историчность, его национально-патриотический пафос, его веру в творческую силу духовного лика России и мир обновляющегося содержания русской культуры!

Сменовехизм

Я не люблю этого термина и неповинен в нем. Он был выдвинут моими европейскими друзьями и вскоре прочно привился и в эмиграции, и в России. Теперь он стал этикеткой, которую бесполезно пытаться сорвать или подправить. Бог с ней, — пусть остается!..

Ленин на XI съезде проницательно отделил подлинное зерно этого политического течения от его шелухи, густо и скороспело красившейся в коммунистические цвета¹. Помню, один из лидеров европейского сменовехизма на мои усиленные предостережения и упорные призывы заботливее хранить идеологическую самостоятельность нашей позиции, ответил мне красноречивой апологией «**мимикрии, этого исконного оружия слабых**».

С тех пор и в прессе стали поговаривать о «левом» и «правом» крыльях сменовеховства. Но ведь «мимикрия» — это тактика (на мой личный взгляд, в данном случае очень плохая), а не идеология. Идеологический же смысл течения оставался и остается поныне единым и целостным. Лучше всего он выражен нашей пражской книжкой. Появившийся же вслед за нею парижский журнал², а затем, еще более, берлинская газета в угоду мнимо тактических соображений лишь затемнили его истинный облик. Это был уже, по меткому замечанию Лежнева³, не что иное, как «размен вех»...

За последнее время в местной прессе оживился вопрос о природе сменовехизма. Коммунистическая «Трибуна» напомнила ленинский о нас отзыв на XI съезде, сопроводив его рядом собственных комментариев. Проблески некоторых новых мотивов в хозяйственной политике советского правительства, естественно, ставят в порядок дня старый вопрос о постепенной, неизбежной и разумной трансформации революционной системы.

Советская пресса официально уже давно считает этот «сменовеховский» вопрос решенным в отрицательном смысле: никакой, мол,